

Христос как Судия мира[1 - Князь Волконский в одном из заседаний «Религиозно-философских собраний» в С.-Петербурге прочел доклад о непопулярности утеснений за веру, прямых и косвенных; о несовместимости понятия Церкви и понятия преследования. Не только все собрание с энтузиазмом отнеслось к его докладу, но видные ораторы их и между ними сердечно близкий мне человек, Д. С. Мережковский, как равно В. С. Миролубов, М. О. Меньшиков и др.; заговорили энергично в том смысле, что, конечно, «Христос и наказание его святым именем — несовместимы, есть *contradictio in adjecto*». Сердце мое сейчас же защемила ужасная боль при мысли, что вот еще венюк из мирт на увенчанное уже чело, и опять забвение тем, которые уже фактически были замучены. Так всегда сплетается «история христианства», что если в ней являются около роз шипы, то шипы эти относятся не к тому же растению, на котором розы, а к какому-то с ним соседнему, рядом растущему, другому. Так что оно имеет преимущества и колоть, и вместе имеет славу только роз, благоухания, приятности. «Шипы» же все относятся к «злобе уколотых», и представляется так, что они сами о себя как-то покололись, что, из себя пустив шип, на него же наткнулись. Словом, тут — софизм; а мне показалось — и еще бессердечие. Придя домой после собрания, я быстро накидал эти строки, развив их впоследствии несколько обширнее в докладе, прочитанном в собраниях под заглавием же: «Христос как Судия мира». Но когда я отыскал этот первичный набросок того доклада, — он мне показался достойным не «кануть в Лету», хотя бы в качестве мимолетного впечатления, быстрого и бурного порыва, как мне думается — в добрую сторону. Ибо скорби брата своего (уже умершие за свободу в христианстве) не надо никогда забывать, нельзя изгладить из сердца своего.]

Вопрос, поставленный кн. Волконским, будучи местным (Россия и наши текущие дни), есть в то же время и всемирный. Имея форму сослагательного или желательного наклонения, вращаясь около «бы» и «если бы», он начертывает картину свободы Христовой, при которой, по докладчику, только выиграет вера в Христа. Но если его перевести в изъявительное наклонение, то он будет изложением факта, что никогда так называемой свободы Христовой, вот уже в течение двух тысяч лет, не существовало. А так как по философии последствие всегда адекватно причине, то думать, что такой факт висит только на волоске, на недоразумениях, на тупом непонимании христианами Христа, каковую тупость собираются исправить Мережковский, Меньшиков и Миролубов, — думать этого нельзя. А перед прошедшим, которое уже истекло в крови несвободы, — и преступно.

Нужно заметить, что относительно многих пунктов христиане вообще поражены дальтонизмом, пример которого мы слышали в замечательной речи арх. Антонина. Именно говоря о Будде, эллинах и проч. и перейдя к Христу, он сказал, что вне христианства только гниль; не что-нибудь, а именно гниль. Он сказал не о Христе, а именно о пропагандирующем себя христианском мире. Слова я запомнил точно. А в конце речи упомянул о ссоре христиан в Иерусалиме, бывшей в прошедшем году, во время которой представители разных церквей избивали друг друга хоругвями, крестами и евангелиями. И ни сердце его, ни ум, т. е. сердце и ум, кажется, замечательного человека, не заметили противоречия. Так и прокатили через факт. Оратор — архимандрит — был чем-то очарован, зачарован. Он был глубоко искренен в своей речи.

Второе наблюдение. С Вал. Ал. Тернавцевым, с которым мы много и с великим жаром спорили в Риме, раз за чаем произошла у нас краткая и горячая сшибка. Упомянув о так называемых незаконнорожденных детях, я сказал ему, что достаточно было бы церкви официально и громко отречься от этого учения, чтобы дети эти, в большинстве убиваемые, перестали убиваться. Нужно сказать, В. Ал. Тернавцев несколько не интересуется вопросом о браке, все это учение для него есть побочное, не горячее. «Так чего же вы хотите, В. В., — сказал он мне с страданием в голосе, — чтобы жили люди как хотят? когда хотят — разводились, когда хотят — сходились?» — «А, однако, детоубийство?» — возразил я. Лицо его вдруг сделалось немного хитрым, и, как бы заглядывая в мою душу, будя в ней внутреннее согласие, маня это согласие, он сказал: «А вам-то разве жалко детей?» Я был поражен и, кажется, замолчал. Для меня было ясно, что человек столь великой до известной степени души, нежный ко всем людям, ласковый к миру... просто ничего не чувствовал к детоубийству, ни отвращения, ни страха.

Так что мы все, христиане, немножко зачарованы. Я именно говорю о магии зачарования. Мы не видим, не понимаем. Мы спим. А когда пробудимся — сказывают, — «будет страшный суд» и «светопреставление», т. е. пере-ставление «светов» (исхода лучей, центров ведения, «Аза» в добре и зле). Тернавцев ли не добрый? Ангел. Но и он за детоубийство. Христиане ли не друзья свободы? Тут уж нам Мережковский скажет текст. Но они всегда преследовали.

Меня удивляло, почему исследователи не обратили внимания на красоту Евангелия, столь поразительную, что она решительно закрывает собою точный смысл многих его слов. Воистину сбылось, только не о врагах, а о друзьях сказавшего: «Они будут смотреть — и не увидят, будут слышать — и не услышат». Помню, когда я писал «Место христианства в истории», то, кончив отдел о падении Израиля, — открыл Евангелие, чтобы, так сказать, скрасить мысль каким-нибудь текстом. Случайно открылись прямо слова: «О, Иерусалим, Иерусалим! Сколько раз я хотел собрать детей твоих, как птица собирает птенцов под крыльями, но вы не захотели: се оставляется дом ваш пуст». Я до того был поражен нежностью этих слов, что заплакал. Именно я был поражен, как Иисус любил этот город. Какая мать о каком дитяти так говорила? И мысль, Что Иерусалим Такого не принял, взбурлила меня, разгневала; Иерусалим стал для меня презренен — и, вписав текст в рукопись, я заключил главу, что Иерусалим был наказан поделом.

Фата-моргана. Да что такое? Что я прочитал? Разберем по складам мысль и выразим ее не по-Иисусову, а по-Скворцовски[2 - В. М. Скворцов, чиновник особых поручений при обер-прокуроре св. Синода, заведующий сектантскими делами в России «как эксперт», в сущности как обвинитель и приводчик на суд обвиняемых, редактор желчного и неумолимого «Миссионерского обозрения»]: так как Иерусалим — заметьте, еще до воскресения Христа, т. е. не имевший причин верить более, чем апостол Фома, и имевший с Синая заповедь «Да не будут тебе бози инии разве Мене», — этот Иерусалим, правда, видевший чудеса, которые, однако, он видел и от Илиипророка, и выслушавший, конечно, чудесные слова, вместе с тем давший из среды своей абсолютно верующих, ну, человек 30, т. е. все-таки более, чем за сколько праведников хотел Бог пощадить Содом и Гоморру, но в общей массе замешкавшийся в вере, был осужден на гибель, со всеми подробностями осады Веспасиана и Тита, когда матери от голода ели своих детей. «Вы меня не приняли — и за это будет ваша земля опустошена». Довольно просто, если прозаически выразиться. Но выражено это с такой бессмертной красотой, что ничего не замечаешь. Забываешь сравнить Иерусалим с Содомом и Гоморрой, о которых Господь сказал: «Если там найду семь праведников — то пощажу его»; забываешь сонмы детей Иерусалимских, бросавших вайи под ноги Спасителя и кричавших: «Осанна Сыну Давидову, благословен Грядый во имя Господне». Все забываешь. И вопишь как историк, социолог и моралист Веспасиану:

«Распни, распни их! ибо они не приняли Его!»

И ведь ни у одного из христианских историков — а их довольно много — ни единой-то слезинки не пролилось об Иерусалиме. «Распни» — это все кричали. Даже непостижимо, с какою совестью таскаются туда паломники. Ведь они же ненавидят это место? Показывают какие-то гробы пророков, дуб Мамврийский. Что им это. «Что им Гекуба». Ихнее дело — подраться бы хоругвями.

Обращаюсь к теме. Вопрос решается, если решить, было ли в мысли Иисуса стеснение свободы, и именно физическое. Прежде всего: прямого совета мы не найдем. Отчего бы? Иисус посылал в мир апостолов, и именно для проповеди, для прозелитизма. Он знал, что весь мир и покорится ему, ибо есть в словах Его упоминание, что «Евангелие будет проповедано до концов земли»[3 - «До концов земли...»] Значит, обширно будет отечество исходящих «до концов земли» посланцев христианства? И «все царства мира, показанные (или показавшиеся?) Ему в мгновение ока», которые Он отвел рукою в сторону «как искушение», о них Он знал и предсказал, что они будут, однако, во власти Его (откуда же апостолы, миссионерство, миссии?). Но «смотрим и не видим, слушаем и не слышим».]. Многому научил Он учеников, длинные беседы и днем, и ночью, и на горе, и на озере вел Он с ними. Неужели для столь длинного процесса проповеди нельзя было предвидеть всяких коллизий, всякого рода столкновений, всякого возжжения души у Апостолов, и особенно... у позднейших миссионеров, до римской «propaganda fide» включительно? Отчего же было не сказать твердо и математически: «Вам и кто пойдет по ступеням вашим, во всех веках и странах, повелеваю действовать только словом, ни к какой мере притеснения и понуждения физического не прибегая». И было бы ясно. И были бы предупреждены Торквемады. Правда, в одном случае Иисус запретил ученикам «свести огонь» на непринявший Его город. Да, но это лично и сейчас. Перед царем и Богом жертв не совершается; и у нас в царский день не погребают мертвых, а в греческой драме казнь тоже происходила за стеною. Есть, однако, другое слово, кажется, о Капернауме: «Содому и Гоморре будет отраднее в день суда, нежели ему». Вообще «будут скорби». «Когда отнимется Жених (Иисус) — будут скорби». Говорят, миссионерство — это вражда, холодность, а посему «и не Христово». Так учат нас Меньшиков и Мережковский. А Евангелие учит, что «когда Евангелие будет проповедано до концов земли, то охладает в мире любовь», и «не думайте, что я мир принес на землю, не мир Я принес, но меч и разделение». Ну, вот сектанты и «господствующая церковь» и разделились, а как «любовь охладела», то холодные языки миссионеров не действуют, и уж приходится подогревать дело разными мерами. Прямо в Евангелии мер физических не указано; но разве прямо сказано там, что из народа Божия евреи должны отныне стать каким-то дьявольским народом, что Иерусалим должен будет в муках пасть, что будут позваны язычники к спасению, что золотое кольцо, связавшее Израиля с Иеговой под дубом Мамврийским, распяется и падет обломками к ногам его презирающего нового человечества. Мало ли что прямо не сказано в Евангелии. Но неужели дерзкий какой-нибудь скажет, что все это совершилось без Промысла о себе, что и не надо было отменять обрезания, отвергать утренние и вечерние жертвы в храме, Титу и Веспасиану незачем было трогаться, а что все после Иисуса могло оставаться в том самом виде, как до Иисуса, и достаточно было евреям немножко посечь, высечь одно поколение за непризнание Иисуса, а с остальными евреями, теперешними пархатыми жидами, христиане преспокойно могли купаться в ихней микве, есть опресноки и праздновать праздник кушей. Нет, Христос есть камень, где все повернулось, весь земной шар. Миллионы поколений ответили заодно. Унижены сотни израильтян за пра-пра-прадедов их. Пострадали безвинные, т. е. безвинные, положим, в XIII веке, когда их вырезывали. А уж позвольте, если жидов вырезали, вырезали перуанцев и мексиканцев, то почему немножко и не посечь сектантов? Ведь Миролюбов, Мережковский и Меньшиков в обморок не падают от жалости по Перу, Мексико и жидам. Тернавцеву детей не жаль. С чего же, например, я буду жалеть павловских сектантов? Просто, мне до них дела нет; даже хорошо, что они немножко преследуются, дабы из холодного и легкомысленного сердца христиан не исчезала память, что эти маленькие догорающие огарки суть остатки когда-то очень высоких свечей. В человечестве должна быть солидарность. В человечестве должна быть память. Человечество, посекая кое-кого внутри себя, только не прерывает абсолютно необходимую и абсолютно нравственную цепь, коею все роды наши связаны, и страдание должно остаться, даже жестокость не должна изгладиться, пока не придет день, час и Лицо, Которое даст окончательное об этом объяснение. Если бы мечта Мережковского и Меньшикова осуществилась, т. е. наступила бы эра Христовой свободы, то в мире потерялась бы нравственность: ибо уж, конечно, эти свободные не вспомнили бы о погребенных в земле рабах.

Христос есть Судия мира: вот это-то и забывают. Христос боролся и победил и завещал ученикам бороться же и победить. Указывают, что Он никого физически не наказал. Мало ли чего Он не делал, что мы не можем не делать. «Могий вместити да вместит». Кто может словом победить тьму — пусть и побеждает. Но кто не может — пусть к победе тьмы приложит и слабейшие, небогатые силы, физическую борьбу. Христос исцелял одним словом больных. Мы этого не можем, хотя это было бы лучше, и больных лечим медленно и медикаментами. Христос потому насилия не употребил, что слово Его равнялось действию, было в своем роде уже насилием; и Он не употреблял средств, Ему ненужных, а у человека неизбежных и потому ему позволительных. Однако Христос повелевал. Повелительный элемент содержится в Евангелии. «Господи Иисусе, за что Ты мучишь меня», — кричал ему больной. Да и вообще говорить, что Христос не стоил муки человечеству, не связан был с муками, например, для Израиля — просто странно. Великие переломы без мук не бывают. Право, миссионерство есть меньшая из них. С этой мистической стороны о муках наших сектантов и говорить не стоит. Булавочные уколы после ударов паровым молотом. Их жаль князю Волконскому. Но ведь ему жидов не жаль. А жидам не жаль его штундистов. Вообще же в христианстве никому и никого не жаль, ибо «охладела в мире любовь». Вот по речи Антонина афинянам было жаль какого-то неведомого народца, «божок» которых, может быть, остался без алтаря, и они воздвигли им у себя алтарь (deo ignoto[4 - неведомому богу (лат.).]). Так то были афиняне, дрянь. А мы обернуты в золото и сияем на весь мир. Если от нас немного припахивает, как случилось в Иерусалиме во время побоища, то мы вообще так счастливы, что этого не чувствуем, как не почувствовал этого при рассказе Антонин. Мы «господствующие», «господствующая» церковь, «господствующая» религия, «господствующая» цивилизация. Но где же видано господство без рабства, победители без побежденных? Это соотносительные понятия. Миссионеры работают на великом колесе этого мирового господства. Это — цивилизаторы, люди высшей культуры, под которых напрасно бы подкапываться. Кричать о сектантах — все равно что в Афинах было говорить о «варварах», персах или в Риме — о вольноотпущенниках. Это подрывает сущность христианской цивилизации, точнее — великой победы Христовой. Войдем же в логику миссионера, плодами забот коего мы пользуемся, а работы их не хотим: он — как Леонид при Фермопилах. За ним дорогое отечество; перед ним — варвары. Положить оружие, опустить колья — значило бы, как изменник Эфиальт, провести врагов в дорогие храмы. «Мука! мука!» — говорят либералы. Да позвольте, «оружие пройдет через сердце твое», — сказано было Марии Безвиной при самом рождении Спасителя. От власти ли Сына не зависело, также умерев за грехи мира, также все совершив, Мать Свою избавить от муки стоять перед Крестом? Неужели она не мог Он соделать, чтобы Она почила ранее. Нет, каплями крови точился Христос. И капли — окрест Его. Вот каплю-то крови Христовой и не постиг реферат Волконского. Т. е. не постиг главного мистицизма христианства. Доклад его произвел на меня прямо некрасивое впечатление, неэстетическое: какое-то считанье по счетам около великой загадки, какое-то клубное рассуждение над руинами Карфагена. Дайте свободу ему и таким — они просто засядут в карты и ни малейше не воспылают по Христу, как будто воспылали «бы»,

дай только свободу христианству и убери миссионеров. Еще историческая заметка: Соединенные Штаты с абсолютной холодностью к религии не знали и преследований религиозных. А Испания и Италия, давшие почти всю картину христианства, — дали и наибольшие муки человечеству. Тут я слышу голос патриотов, что «мы одни знаем истину», — «мы» и веруем, и не жжем. Я же подозреваю, что мы только плохо веруем, расположены к картам и оттого вообще не беспокоимся прозелитизмом. «Ты не горяч и не холоден, а только тепел...» Это очень идет к нам, к нашей колеблющейся догматике, незавершенной иерархии, полуцелибату духовенства и кое-каким миссионерам на место «De propaganda fide». Чтобы постигнуть теорию вопроса, во всяком случае нужно обратиться не к нам, средненьким.

Примечания

1 Князь Волконский в одном из заседаний «Религиозно-философских собраний» в С.-Петербурге прочел доклад о непопулярности утеснений за веру, прямых и косвенных; о несовместимости понятия Церкви и понятия преследования. Не только все собрание с энтузиазмом отнеслось к его докладу, но видные ораторы их и между ними сердечно близкий мне человек, Д. С. Мережковский, как равно В. С. Миролубов, М. О. Меньшиков и др.; заговорили энергично в том смысле, что, конечно, «Христос и наказание его святым именем — несовместимы, есть *contradictio in adjecto*». Сердце мое сейчас же защемила ужасная боль при мысли, что вот еще венок из мирт на увенчанное уже чело, и опять забвение тем, которые уже фактически были замучены. Так всегда сплетается «история христианства», что если в ней являются около роз шипы, то шипы эти относятся не к тому же растению, на котором розы, а к какому-то с ним соседнему, рядом растущему, другому. Так что оно имеет преимущества и колоть, и вместе имеет славу только роз, благоухания, приятности. «Шипы» же все относятся к «злобе уколотых», и представляется так, что они сами о себя как-то покололись, что, из себя пустив шип, на него же наткнулись. Словом, тут — софизм; а мне показалось — и еще бессердечие. Придя домой после собрания, я быстро накидал эти строки, развил их впоследствии несколько обширнее в докладе, прочитанном в собраниях под заглавием же: «Христос как Судия мира». Но когда я отыскал этот первичный набросок того доклада, — он мне показался достойным не «кануть в Лету», хотя бы в качестве мимолетного впечатления, быстрого и бурного порыва, как мне думается — в добрую сторону. Ибо скорби брата своего (уже умершие за свободу в христианстве) не надо никогда забывать, нельзя изгладить из сердца своего.

2 В. М. Скворцов, чиновник особых поручений при обер-прокуроре св. Синода, заведующий сектантскими делами в России «как эксперт», в сущности как обвинитель и приводчик на суд обвиняемых, редактор желчного и неумолимого «Миссионерского обозрения».

3 «До концов земли...» Значит, обширно будет отечество исходящих «до концов земли» посланцев христианства? И «все царства мира, показанные (или показавшиеся?) Ему в мгновение ока», которые Он отвел рукою в сторону «как искушение», о них Он знал и предсказал, что они будут, однако, во власти Его (откуда же апостолы, миссионерство, миссии?). Но «смотрим и не видим, слушаем и не слышим».

4 неведомому богу (лат.).